

Харьковский государственный педагогический институт имени
Г.С.Сковороды

На правах рукописи

ЛЕНЕЖЕ Герберт

ТВОРЧЕСТВО А.С. ГРИБОЕДОВА В РУССКО-ЕВРОПЕЙСКОМ ЛИТЕ-
РАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Ю.ОІ.ОІ - русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой
степени кандидата филологических наук

Харьков - 1993

АВ 28.342

ЛНБ України ім. В. Стефаника

00813979 (.)

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы Симферопольского государственного университета

- Ученый руководитель: доктор филологических наук профессор Мещеряков В.П.
- Ученый консультант: доктор филологических наук доцент Л.А.Орехова
- Специальные оппоненты: доктор филологических наук профессор Фризман Л.Г. кандидат филологических наук доцент Логунов А.И.

Ведущая организация - Череповецкий государственный педагогический институт

Защита состоится "25" ноября 1993 года в 14 часов на заседании специализированного совета К. ИЗ. 24.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Харьковском государственном педагогическом институте имени Г.С.Сковороды (310078 г. Харьков, ул. Артема 29).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Харьковского государственного педагогического института имени Г.С.Сковороды.

Автореферат разослан 18 октября 1993 г.

Ученый секретарь специализированного совета кандидат филологических наук доцент В.С.Приходько

Научно-критическое осмысление творческого наследия А.С. Грибоедова продолжается уже более полутора столетия, и в этом направлении достигнуты немалые успехи. Тем не менее, говорить о всесторонней изученности его произведений и эстетической программы все еще не приходится.

В XIX веке творчество Грибоедова привлекало внимание преимущественно критиков, анализировавших лишь "Горе от ума" (Н.Надеждин, О.Сенковский, Н.Полевой, Ф.Булгарин, В.Белинский, И.Гончаров). Лишь к концу столетия объектом внимания литературоведов и историков становятся и другие произведения Грибоедова и его биография (И.Шляпкин, А.Берже, Н.Шаломытов).

Основоположником научного грибоедоведения с полным правом следует назвать Н.Пиксанова. Вначале ученый не был склонен преувеличивать "революционную" направленность "Горя от ума", но позднее вынужден был принять господствующую точку зрения. В этом отношении социальный заказ наиболее успешно был выполнен М.Нечкиной, собравшей и освоившей колоссальный фактический материал, который трактовался ею в полном согласии с государственными идеологическими установками.

В работах Ю.Тынянова о Грибоедове на первый план выдвигались прежде всего теоретические проблемы, причем основная идея ученого (принадлежность автора "Горя от ума" к "младомодархистам") оказалась малопродуктивной. Книги С.Петрова и В.Орлова в основном базировались на материале и концепции М.Нечкиной и мало что добавляли к осмыслению творческого феномена Грибоедова.

Новые данные о жизни и деятельности Грибоедова-дипломата появились в трудах С.Шостаковича, О.Поповой, И.Ениколопова и В.Балаяна.

В 1970-80-х гг. был опубликован ряд статей, в которых исследовались и творческие связи Грибоедова с различными писателями. Среди них следует назвать статьи А.Гришунина, В.Флоринской, И.Смирнова, В.Коселева и др.

Немаловажным в научном отношении для изучения жизни и творчества драматурга стал коллективный труд "А.С.Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции" и примыкающий к нему сбор-

ник "А.С.Грибоедов. Материалы к биографии" (оба изданы Институтом русской литературы).

Новая волна внимания к творчеству и жизни Грибоедова приходится на 1980-е гг. (книги В.Мещерякова, А.Лебедева и др.).

Даже беглый обзор научной литературы о Грибоедове наглядно свидетельствует, что творчество драматурга изучается прежде всего в контексте русской словесности. И это вполне оправданно, поскольку на Западе "Горе от ума" до сих пор не обрело конгениального перевода и поэтому не стало заметным фактом европейской культуры. Между тем очевидно, что рассмотрение творчества Грибоедова, для которого западная культура являлась органической частью его мироощущения, в европейском контексте позволит выявить новые грани таланта писателя. Одновременно с этим такой подход дает возможность хотя бы в отдельных пунктах скорректировать традиционные представления о роли и месте Грибоедова в истории отечественной литературы. В этом и заключается цель настоящей работы.

Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время большая часть истории и даже теории русской литературы подлежит новому объективному изучению, поскольку наука больше не зависит от идеологии. Активно насаждаемое в советский период представление об исключительности русского искусства (особенно в 1940-50-х гг.) привело к обособлению его в отдельную область знания, мало связанную с искусством других народов. Поэтому попытка охарактеризовать многочисленные и разнообразные связи творчества Грибоедова с творчеством писателей других времен и народов может служить некоторым подспорьем при написании новой истории русской литературы. Помимо этого исследование европейских литературных контактов драматурга дает определенную возможность обнаружить и новые существенные моменты социально-эстетических представлений Грибоедова.

Задачи работы:

1. Проанализировать особенности социально-эстетической позиции Грибоедова, обусловившей проблематику и поэтику его произведений.

2. Выявить и охарактеризовать некоторые узловые линии его эстетических представлений.

3. Светить степень самобытности литературного дарования Грибоедова и обрисовать его отношение к тем или иным представителям мировой словесности.

Научная новизна диссертации определяется нетрадиционным подходом к уже апробированному материалу. Так, по-новому рассматриваются некоторые эпизоды отношений Грибоедова с декабристами, его религиозные убеждения, известное время владения им "комплекс Наполеона", а, главное, творчество драматурга анализируется в системе ценностей мировой литературы.

Методика исследования базируется на системном подходе к творчеству писателя с учетом широкого литературного контекста. В работе использован прежде всего сравнительно-исторический метод анализа, в помощь которому также привлекаются биографический и сравнительно-типологический методы.

Практическое значение диссертации обусловлено возможностью использования ее положений в процессе изучения курса истории русской литературы XIX в. и при подготовк спецкурсов и спецсеминаров по означенной теме.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения. В первой главе рассматриваются повседневные и творческие контакты Грибоедова с иностранцами и его отношение к европейской и восточной классике, а также степень возможного влияния их на творчество автора "Горя от ума". Вторая глава посвящена характеристике взглядов Грибоедова на проблему национального, его отношение к народному началу в литературе и усвоению им традиций русского искусства. В заключении прослеживаются основные этапы влияния "Горя от ума" на дальнейшее развитие русской литературы.

В первой главе говорится о широких и многообразных житейских и творческих контактах писателя и дипломата с представителями различных народов.

В своей дипломатической деятельности Грибоедов был убежденным сторонником и проводником линии свободного развития всех национальностей и стремился укреплять международные связи своего государства, не прибегая к насилию. Так, в проекте замышляемой им Российской Закавказской компании он подчеркивал: "Ничто не скрепит так твердо и нераздельно уз, со-

единяющих россиян с новыми их согражданами по сю сторону Кавказа, как преследование общих и взаимных выгод".¹ И в докладной записке "С Гилани" Грибоедов убеждал представителей верховной власти: "Сия область тогда только принесет истинную пользу, если будет управляться по своим обычаям, независимо от наших министерств".²

И это было не только политической декларацией. Многочисленные факты свидетельствуют, что Грибоедов нередко приходил на помощь людям, которых он считал несправедливо обиженными, независимо от их национальной принадлежности.

Вместе с тем, как отмечает Н. Пиксанов, Грибоедов был "барин с головы до ног; налет барского высокомерия, дендизма давал в нем себя сильно чувствовать..."³ Но надо учитывать, что грибоедовское "барство" имело различные проявления. Он, как и многие его современники, не желал, чтобы в нем видели профессионального литератора, предпочитая числиться аристократом-дилетантом. Не случайно в ответе на "опросные пункты" Следственного комитета Грибоедов показал, что был принят в Общество любителей Российской словесности "от вступления в которое я ... долго отговаривался, ибо поэзию почитал истинным усладением моей жизни, а не ремеслом".⁴

Однако при всем своем аристократизме Грибоедов никогда не делил людей на "иноземцев", к которым в России относились с немалым пренебрежением, и "своих". Главным мерилom человека для него во всех ситуациях были умственные и нравственные качества индивидуума. Именно Грибоедов, отмечал в своем дневнике В. Кихельбекер, научил его терпимости по отношению к мнениям, обычаям и вероисповеданиям других народов.⁵

¹ Грибоедов А. С. Соч. - М.; Л., 1959. - С. 493.

² Там же. С. 380.

³ Пиксанов Н. К. Грибоедов. Исследования и характеристики. - Л., 1934. - С. 21.

⁴ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. - М., 1980. - С. 284.

⁵ См.: Кихельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. - Л., 1979. - С. 145.

Барское воспитание не мешало Грибоедову ощущать себя частицей русского народа. Он не только делил все тяготы похода по враждебной земле с группой солдат, выводимых им из персидского плена, но и заботливо ухаживал за больными, испытывая при этом глубокие и искренние чувства "бешенства и печали". В эти дни Грибоедов в "Путевых заметках", которые не предназначались для печати, сам себе клянется: "Голову мою положу за несчастных соотечественников".¹

Сложный сплав патриотизма и космополитической культуры обуславливает многие грибоедовские оценки различных литературных явлений.

И в Европе и в России неперенным условием образованности в эту эпоху являлось разностороннее усвоение античности. Грибоедов в этом отношении был подготовлен фундаментально, поскольку хорошо владел латынью и греческим.

Однако в творчестве и в эпистолярном наследии писателя следы античности весьма скудны. И в "Горе от ума", и в "Молодых супругах", и в "Студенте" присутствует небогатый набор античных имен и образов. Даже задуманная на античный сюжет трагедия "Родамист и Зенобия", источником которой послужили "Анналы" Тацита, устремлена в современность, наполнена легко прочитываемыми политическими аллюзиями.

Грибоедовское "пренебрежение" античностью объясняется тем, что писателю значительно ближе были русский фольклор и Библия. "Через подлинно народную мудрость своего стиха Грибоедов связан с истоками, с народной пословицей и поговоркой. Народность стиха Грибоедова, так же как и народность басен Крылова ... в глубинном и органическом усвоении самого духа народной речи".² Пристальный интерес испытывал Грибоедов и к фольклору других стран - в частности, к персидскому и грузинскому. Грибоедов был уверен: "Восток, неисчерпаемый источник для освежения пиитического воображения, тем занимательнее для русских, что мы имели с древних времен сношения с жителями оного".³

¹ Грибоедов А.С. Соч. - С. 421.

² Степанов Н.Л. Поэты и прозаики. - М., 1966. - С. 22.

³ Булгарин Ф.В. Соч. - М., 1990. - С. 665.

Библия, по свидетельству современников, была настольной книгой Грибоедова.¹ В нескольких письмах он упоминает о благотворном влиянии на него религии. Например, обращаясь к "тырменному товарищу" С.Алексееву, драматург писал: "Мы когда-то вместе молились усердно нашему Создателю и в заключении в чистой вере находили себе неотъемлемую отраду".²

В непосредственной связи с вопросом о религиозности писателя стоит его известное письмо к А.Одоевскому, породившее немало исследовательских предположений о том, что в данном письме Грибоедов прежде всего ориентируется на перлюстраторов и потому не идет дальше моральных прописных сентенций и даже, что он просто кривит душой, не находя для узника искренних сердечных слов (Ф.Левин, А.Лебедев). В первую очередь это относят к к цитируемой здесь части грибоедовского письма: "Ссмельюсь ли предложить утешение в нынешней судьбе твоей! Но оно есть для людей с умом и чувством. И в страдании заслуженном можно сделаться страдальцем почтенным. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимая от внешней. Утвердиться размышлением в правилах неизменных и сделаться в узак и заточении лучшим, нежели на свободе. Вот подвиг, который тебе предстоит".³

Счевидно, что здесь налицо изложение известных евангельских истин: "Многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие" (Деяния апостолов. 14.22) и "В скорби будьте терпеливы" (Письмо к римлянам. 12.12). В том, что Грибоедову не нужно было насиловать себя, обращаясь с такими советами к другу, томлящемуся в заключении, убеждает его другое письмо, которое было написано в 1823 г., когда о перлюстрации можно было не заботиться. Стараясь утешить потерпевшего очередную житейскую неудачу В.Кихельбекера, драматург обращается к его сестре: "Убеждайте прелесходнейшего вашего брата примириться с судьбой и смотреть на наши несчастья как на горнило нравственное, из которого мы выйдем менее пылкими, более хладнокровными, приобретшими несколько внушительности, как если бы

¹ См.: А.С.Грибоедов в воспоминаниях современников. - С. 29, 95, 257; Беседы в Обществе любителей Российской словесности. - М., 1868. - Вып. 2. - С. 27.

² Грибоедов А.С. Соч. - С. 581.

³ Там же. - С. 611.

всю жизнь свою благоденствовали".¹

Христианские мотивы прослеживаются и в произведениях Грибоедова - в "Иности вещей", где должен был появиться "неведомый муж. богомолец"; в плане драмы "1812 год" фигурирует "хор бессмертных", а "трубный глас архангела" призывает тени "давно усопших исполинов"; стихотворение "Давид" является переложением 151-го псалма.

Симптоматично, что и в "Горе от ума", по мнению А. Григорьева, Грибоедов "казнит невежество и хамство, но казнит не во имя *solus il faut* ,ного условного идеала, а во имя высших законов христианского и человечески-народного взгляда".²

Уже современники пытались обнаружить в грибоедовском шедевре следы влияния иностранных литературных источников. В галерее классиков, которые, как считалось, в той или иной мере оказали воздействие на "Горе от ума", помещали имена Гекспира, Мольера, Гёте, Шиллера, Байрона, Уго Фосколо и даже Луккиана.

Пальма первенства в этом смысле отдавалась Мольеру, Гекспиру и Гёте. Однако итоги тщательного сопоставления комедии Грибоедова с творчеством названных писателей всегда более чем скромны. Справедливым представляется заключение Н. Пиксанова: "Комедиинное творчество Гекспира не отразилось на "Горе от ума" - ни в образах, ни в композиции, ни в каких-либо драматургических приемах".³ У Шекспира Грибоедов учился самому главному - простоте и свободе творчества. О каком-либо подражании здесь говорить не приходится, хотя Грибоедов и ценил английского драматурга очень высоко.

Столь же глубоким было его уважение и к дарованию Гёте, который, по словам Грибоедова, в "Фаусте" "объясняет своею идеею все человечество". Недаром Грибоедов собирался перевести "Фауста", успев, правда, выполнить лишь перевод "Пролога в театре". Но и в данном случае он переводит гётевский текст очень вольно, так, что "Гёте становится похожим на Григо-

¹ Грибоедов А.С. Соч. - С. 538.

² А.С. Грибоедов в русской критике. - М., 1959. - С. 234.

³ Пиксанов Н.К. Грибоедов. Исследования и характеристики. - С. 263.

едова, пишущего сатиру на светское общество".¹

Помимо произведений и немногочисленных эстетических суждений самого Грибоедова воспоминания современников писателя и некоторые другие источники в совокупности позволяют восстановить довольно полную картину его литературных взглядов и оценок отдельных литературных явлений.

Истоки многих произведений новой французской литературы Грибоедов усматривал в античности (Эзоп, Федр, Плавт, Аристофан), причем, по его мнению, Дезульер, Севинье, Буало, Расин и Делиль воспользовались наследием древности не лучшим образом. "Французская литература, - считал драматург в 1817 году, - одна из самых беднейших; лучшие их писатели - жалкие школьники в сравнении с древними".² В этой реплике присутствует некоторая полемическая заостренность, но в дальнейшем мысль уточняется, и главный недостаток классицистов - отсутствие историзма - указывается верно. И Вольтер, считал Грибоедов, не заботился ни о психологической мотивировке характеров, ни о соблюдении исторической достоверности изображаемого. Особенно резкое неприятие вызывал у него популярный тогда труд по истории и теории литературы, написанный Лагарпом. Лагарпа Грибоедов не принимал и в 1817 году и пять лет спустя. "Познание литературы, почерпнутое у Лагарпа, - говорил он, возбуждает сожаление. Вы именно учитесь по тому, что надлежало бы забыть. Если вы хотите учиться у иностранцев, то читайте по крайней мере Елера, Бутервека, Шлегелей, Сульцера и т.п."³

Среди названных имен особое значение для Грибоедова имели труды братьев Шлегелей, за выступлениями которых он следил еще со студенческих лет. Грибоедову была близка одна из центральных идей Ф. Шлегеля, доказывавшего необходимость "связи и переплетения различных отраслей знания, их всеобщее расширение до круга общественных вопросов..."⁴ Сам автор "Горя от ума" также был убежден, что писатель должен быть всесторонне

¹ Лигунский В.М. Гёте в русской литературе. - Л., 1982. - С. 120.

² Северный наблюдатель. - 1817. № 2. - С. 59.

³ Булгарин Ф.В. Соч. - С. 661.

⁴ Schlegel Fr. Seine Prosaische Jugend Schriften - Bd. II. - Wien. 1882. - S. 132.

образованным человеком. Разделял он и мысль Ф. Шлегеля о необходимости свободы творчества. "Я как живу, - заявлял Грибоедов, - так и пишу, свободно и свободно".

Систематизация грибоедовских суждений об отдельных западных писателях, а порой и просто упоминание некоторых имен в переписке или в дневниковых заметках автора "Горя от ума" позволяют в ряде случаев уточнить эстетические позиции Грибоедова или выявить новые эпизоды его творческой биографии (дневниковая запись от 19 июня 1827 года, проливающая дополнительное свет на отношение писателя к ссыльным декабристам)

Во второй главе демонстрируется, что хотя тема "ума", находящегося в противоречии со средой, была характерной в первой четверти XIX в. и для европейской и для русской литературы (многочисленные переводы и переделки пьесы Ж.-Б. Грессе "Злой", выполненные А. Шаховским, М. Загоскиным, П. Катениным), Грибоедов решает ее совершенно оригинально.

Грибоедовский Чацкий в отличие от его литературных предшественников - характер значительный и многопланный, взращенный русской почвой и одновременно усвоивший достижения иных культур.

Хорошо известно, что декабристы видели в драматурге своего единомышленника, что распространяя "Горе от ума" во множестве списков, они пропагандировали прежде всего антикрепостническую направленность пьесы, ее политическую заостренность.

Есть основания полагать, что отношение Грибоедова к тайному союзу "молодых якобинцев" было неоднозначным. Существуют, пусть и косвенные, доказательства формальной принадлежности драматурга к заговору (работы Б. Мещерякова), но наряду с ними мы располагаем и высказываниями писателя относительно "ста прпоришковых", которые хотят переделать "весь государственный быт России", и совсем уж нелестной характеристикой декабристов ("Я говорил им, что они дураки!")

Пролить дополнительное свет на эту проблему позволяет один из эпизодов биографии Грибоедова, упоминающийся в мемуарах С. Бегичева. Эпизод этот настолько необычен, что ни один из исследователей жизни и творчества драматурга не решился прокомментировать его.

Бегичев рассказал, как однажды Грибоедов признался ему, что давно намеревается уговорить персиян перейти в христианство. Мемуарист встретил этот план весьма скептически ("Бред поэта, любезный друг!"), но Грибоедов заговорил так вдохновенно, что собеседник начал верить в возможность осуществления такого предприятия.

Воспринимать подобный эпизод в его буквальном смысле едва ли возможно. Спыйный дипломат Грибоедов хорошо представлял себе, к каким последствиям может привести подобный шаг в отношениях со страной, которая за первую треть XIX в. дважды воевала с Россией. Недаром предлогом для разгрома русского посольства в Тегеране послужило именно "оскорбление мусульманских святынь".

Эту историю следует трактовать как иносказательное указание на планы Грибоедова относительно его роли в управлении государством при условии успешного осуществления декабристского переворота. Бегичев в своих мемуарах тщательно обходит всякое соприкосновение с декабристской темой - она и через тридцать лет казалась ему неудобной для печати. И все же он, хотя бы завуалированно, решился поведать потомкам, сколь масштабны были политические притязания Грибоедова. Примечательно, что об огромном честолюбии Грибоедова упоминает и Пушкин в "Путешествии в Арарум". "Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем, как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе и не понимают, что между ними может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одной егерской ротой, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в "Московском телеграфе".¹

Случаино ли у Пушкина сопоставление Грибоедова с Наполеоном? Пушкин знал цену сравнениям и не употреблял их наугад.

Проблема "наполеонизма" серьезно обсуждалась в кругу заговорщиков. Довольно прозрачный намек на обсуждение кандидатуры Грибоедова как возможного вождя государства после осуще-

¹ А.С.Грибоедов в воспоминаниях современников. - С. 265.

ствления переворота присутствует в воспоминаниях П. Бестужева.

"Наполеоновская" тема разрабатывается в ряде произведений Грибоедова. Наполеон должен был действовать в драме "1812 год". Горькое сожаление о том, что обладатель "наполеоновских" возможностей не может их реализовать, звучит в "Кноти вещей", гордая слава победителя воспета в "Давиде".

Еще до событий 14 декабря Грибоедов осознал, что заговор обречен на провал, и очень тяжело переживал крушение своих надежд. В Крыму он всерьез думал о самоубийстве, а год спустя (в письме к Бегичеву от 9 декабря 1826 г.) очень скептически оценивал возможность какого-либо влияния идей и искусства на социальную жизнь России.

Таким образом, единственный европейский деятель, пример которого воздействовал на Грибоедова некоторое время, находился вне литературной сферы.

Между тем чисто эстетические, литературные проблемы находились в центре мыслей Грибоедова. Одной из наиболее актуальных проблем в этот период была проблема национальной самобытности. В отличие от большинства современников, рассматривавших приверженность к отечественным нравам и обычаям старины как нечто целиком положительное и не подлежащее критике, Грибоедов анализирует проблему национального в различных аспектах.

Это отчетливо проявляется в "Горе от ума". Чацкий бичует "жалкую тошноту по стороне чужой" московского дворянства, доказывает превосходство народных обычаев и одежды перед заимствованными. Однако, подчеркивая "национализм" Чацкого, не следует отождествлять его с национализмом Бамусова. Чацкому дороги не просто внешние формы проявления национального, для него куда важнее приобщение к сути народного духа и языка.

Размышляя о формах и сущности национального в жизни и в искусстве, Грибоедов не прошел мимо вопроса о соотношении народного и национального начал. До "Горя от ума" народность в литературе проявляется прежде всего в обращении к героическому прошлому отечества и идеализации его (В. Сазеро, М. Крюковской, С. Глинка, А. Шаховской, К. Рылеев и др.).

Более продуктивный подход к проблеме народности в искусстве связан с творчеством И. Крылова, обогащавшего литературную речь элементами живого народного языка.

Свое понимание народности Грибоедов тезисно изложил еще в 1816 г. в полемике с Н. Гнедичем. В своей статье, в которой сопоставлялись переводы "Леноры" Бюргера, выполненные В. Жуковским и П. Катениным, Грибоедов, на первый взгляд, лишь защищает Катенина от несправедливых нападок Гнедича. Подлинный же смысл выступления Грибоедова в том, что он предлагает иное, чем у Жуковского, понимание задач и возможностей поэзии, пробует определить приметы ее национальной самобытности.

Грибоедов, констатирует Ю. Лотман, ставит Жуковскому в упрек "не фантастический элемент в его творчестве, а отсутствие в нем "натуры", которую он находит у Катенина. "Простонародный" язык "Ольги" долженствовал отделить повествование от авторской субъективности, заставить воспринимать фантастический сюжет как создание народной мысли. Именно это отсутствие элемента объективности в повествовании и побуждало Катенина и Грибоедова отрицать народность баллад Жуковского".¹

Выработка критериев народности предполагала разыскания как в области истории, так и в области национального искусства. Эти проблемы интересовали многих писателей. И Грибоедов в этом случае не был исключением. В его "Заметках о Петре" присутствуют размышления о "естественном" историческом развитии отечества. Стремление познать малейшие подробности русской истории, вплоть до топонимики, проявилось в "Desiderata". Грибоедов собирался написать историческую трагедию "Серчак и Утляр" из эпохи Киевского княжества. Духом русского фольклора проникнуто неоконченное стихотворение "Домовой". От поэта-соотечественника Грибоедов ожидал знания всех сфер духовной культуры нации, да и не только отечественной, но и славянской.

¹ Лотман Ю. М. Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. - М. ; Л., 1969. - С. 41.

вообще. "Чтобы совершенно постигнуть дух русского языка, надобно читать священные и духовные книги, древние летописи, собирать народные песни и поговорки, знать несколько славянских, богемских и польских грамматик и рассмотреть столько же словарей; знать совершенно историю и географию своего отечества. Это первое и необходимое условие".¹

Свое понимание народности Грибоедов продемонстрировал в "Горе от ума". Народ как таковой в пьесе не появляется, однако нравственность дворянского общества измеряется масштабом народной этики. Помимо этого автор комедии использует и приемы поэтики травестийного раешного театра. Разумеется, способы создания характеров здесь не исчерпываются принципами "раешника", но многие портреты в комедии обрисованы "в стиле народного лубка, с его яркими красками и резкими штрихами, с его подчеркнутой сатирической гиперболичностью".²

Одним из наиболее очевидных доказательств народности "Горы от ума" является язык комедии. На примере Чацкого доказывается, насколько гибка и богата родная речь, с помощью которой можно выразить самые сложные понятия, не обедняя и не искажая их смысла.

Учась у народа и высоко оценивая его роль в историческом процессе, Грибоедов был свободен от иллюзий, свойственных впоследствии и славянофилам и народникам. Он видел ту пропасть, что лежала между народом и образованным меньшинством, и не усматривал каких-либо перспектив соединения сословий ("Народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки!" - писал он в "Загородной поездке").

Размышляя о русском "ином, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов", Грибоедов ставил риторический вопрос: "сам себе преданный, - что бы он

¹ Булгарин Ф.В. - Соч. - С. 665.

² Фомичев С.А. Проблема национальной самобытности в творчестве А.С.Грибоедова // Автореферат канд. филол. наук. - Л., 1969. - С. 14.

мог произвести?"¹

Подобно Пушкину, далеко не полностью принимая концепцию Карамзина, Грибоедов тем не менее высоко ценил его исторический труд. Как и Пушкин, для оценки Карамзина-историка, он выбирает ключевое слово "честь". У Пушкина: "Подвиг честного человека". У Грибоедова: "Стыдно было бы уехать из России, не выдавши человека, который ей наиболее чести приносит своими трудами".²

Какие-либо конкретные грибоедовские суждения об "Истории государства Российского", если и существовали, то до нас не дошли. И все-таки можно указать хотя бы на один из персонажей отечественной истории, которого и Карамзин и Грибоедов воспринимали односторонне. Карамзин считал, что реформы Петра I посягнули на народные обычаи и гражданские добродетели - "насилие незаконное и для монарха самодержавного". И Грибоедов в "Заметках о Петре" преимущественно фиксирует его деяния, не пошедшие на пользу общества.

Каков подлинный дух народа, что его по-настоящему волнует и что составляет его единство? На эти вопросы Грибоедов попытался ответить в стихотворении "Ущипки на Чегеме". Здесь речь идет не о русском народе, но очевидно, что замысел Грибоедова имел непосредственное отношение к волновавшим его историко-философским проблемам.

Стремление понять и объяснить коллективную психологию народа, пусть даже и находящегося на более ранней стадии развития социального устройства, для Грибоедова значило приблизиться к пониманию психологии собственного народа.

Попытка взглянуть на недавнее прошлое России глазами своего народа предпринята в набросках драмы "1812 год", центральным персонажем которой является крепостной М.³

Трезвая оценка современных возможностей и желаний народа не мешала Грибоедову находить в его историческом прошлом великие свершения. Так, он говорит, что события русской истории "трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями".³

¹ Грибоедов А.С. Соч. - С. 318.

² Там же. - С. 547.

³ Там же. - С. 404.

Как исторические, так и эстетические взгляды Грибоедова выработывались самостоятельно. Ощутимого влияния на его творчество не оказал ни один русский писатель. Это особенно наглядно видно на примере Д.Фонвизина, имя которого стали ставить перед именем автора "Горя от ума" сразу же вслед за публикацией еще неполного текста комедии. К такой параллели прибегали Ф. Булгарин, А.Гестужев, Н.Надеждин, П.Вяземский, Н.Гоголь и многие другие критики и писатели, правда, ограничиваясь лишь констатацией того факта, что Фонвизин и Грибоедов "двинулись общественной причиной, восстали не противу одного лица, но против целого множества злоупотреблений, против уклонения всего общества от прямой дороги" (Н.Гоголь).¹

Сопоставление идей и поэтики "Недоросля" и "Горя от ума" доказывает, что именно этой общей направленностью их сходство и ограничивается. Спмт Фонвизина, безусловно, учитывался Грибоедовым, хотя он и не проявился в каких-либо конкретных формах подражания или заимствования.

В тех же случаях, когда Грибоедов вводит в текст своей комедии открытые цитаты, "заимствования" (Княжнин, Радищев, Державин, Шаховской), то он делает это вполне сознательно, можно сказать, даже демонстративно, поскольку "совершенно уверен в том, что источники материала хорошо известны современникам, что цитата в два-три слова, короткий намек на эпизод пробудят в читателе (зрителе) ассоциативную память, а возникшие ассоциации дополнят грибоедовский эпизод или образ определенными чертами, имеющимися в том литературном произведении, на которое указывает автор "Горя от ума".²

Грибоедов свободно черпал ситуации, образы, приемы и отдельные выражения из любого источника, но при этом заимствованный материал переплавлялся таким образом, что становился органической частью его произведения.

В заключении прослеживаются следы влияния "Горя от ума"

¹ А.С.Грибоедов в русской критике. - С. 103.

² Западов В.А. Функции цитат в художественной системе "Горя от ума" // А.С.Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. - Л., 1979. - С. 65.

на творчество русских писателей последующих поколений. Эти следы в различных проявлениях обнаруживаются у Лермонтова ("Маскарад"), Гоголя (Чичиков и Тентетников в "Мертвых душах"), Герцена (коллизия "Горя от ума", "зеркально" переосмысленная в "Докторе Крупове"), Гончарова (в Райском и Аянове ("Обрыве")) обнаруживаются черты Чапкого и Молчалина). Переключки с "Горем от ума" наблюдаются и в "Рудине", и в "Отцах и детях", и в "Думе" Тургенева. А.Островский открыто заявлял, что продолжает грибоедовские традиции - это особенно наглядно проявилось в "Доходном месте" и в комедии "На всякого мудреца довольно простота". Пристально размышлял над образами Молчалина и Чапкого Достоевский. Свообразная интерпретация этих характеров неоднократно встречается у Салтыкова-Щедрина и других писателей XIX в.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

- I. Античность, фольклор и Библия в творчестве А.С.Грибоедова // П-е Крымские Пушкинские чтения. Материалы. - Симферополь, 1992. - 58 - 60.
- II. А.С.Грибоедов и Восток // Русская культура и Восток. Третьи Крымские Пушкинские чтения. Материалы. - Симферополь, 1993. - С. 54.
- III. А.С.Грибоедов и Германия - рукопись статьи задепонирована в ГНТБ (29.03.93 № 608)
- IV. Наполеон в жизни и творчестве А.С.Грибоедова - рукопись статьи задепонирована в ГНТБ (29.03.93 № 609)

Ms. 8.34

464209

AB 28.342

AB 28.342